

Хлебные хлопоты

После смерти Сталина первой заботой отца стало сельское хозяйство, проблема, как накормить народ. Непомерные налоги на колхозы и индивидуальные подворья, неоправданно большие и одновременно почти бесплатные поставки государству (я уже писал о них), регламентирование всех и всяческих мелочей задавили колхозы и колхозников. Несмотря на оптимистическое заявление Маленкова XIX съезду партии в 1952 году, что зерновая проблема в стране решена (по его словам, зерна в том году произвели более 8 миллиардов пудов, но Маленков умолчал, что в плане стояло 9,2 миллиарда пудов, а статистический отчет зафиксировал валовой урожай в 5,6 миллиарда пудов), за хлебом, даже в Москве, с раннего утра выстраивались очереди. О российской глубинке и говорить нечего. Там в магазинах, кроме соли, спичек да, если повезет, водки вообще купить было нечего. Для страны, где голод обрушивался на ее граждан с завидной регулярностью, три-четыре раза в столетие,

ситуация привычная. Вспомним страшный голод девяностых годов XIX столетия, еще при царе, голод двадцатых, тридцатых и сороковых годов, уже при советской власти.

Вся социально-политическая жизнь отца, начиная с секретарства в Петрово-Марьинском районе Донбасса в 1920-е годы до самых его последних дней пребывания у власти так или иначе вращалась вокруг проблемы продовольствия.

Согласно распределению обязанностей в новом, послесталинском Президиуме ЦК, отцу досталось сельское хозяйство. Собственно, для него качественно мало что изменилось, только увеличился груз проблем, давивший на плечи, теперь ему предстояло обеспечивать потребности необъятной страны, а не изолированной Московской области или Украины.

Чтобы разрядить обстановку, на первых порах пришлось позаимствовать 6,2 миллиона тонн зерна из неприкосновенного запаса. Иначе в стране мог начаться форменный голод.

Тут возникает неувязка в цифрах: по одним отчетам, государственный резерв зерна сократился на 5,7 миллионов тонн, а по другим – потребление зерна в стране превысило производство на 6,2 миллиона тонн: заготовили 31,1 миллион тонн, а израсходовали 37,3. На 1 июля 1953 года госрезерв составлял 17,8 миллиона тонн, а на 1 июля 1954 года – 13,1, то есть из него изъяли 5,7 миллионов тонн.

Откуда появились дополнительные полмиллиона тонн? Ответ в несовпадении методик подсчета госрезервом закупок и потребления зерна. Закупки зерна и урожай считают по осени. Часть этого зерна той же осенью поступает в госрезерв, но в отчете проставляется его наличие на 1 июля следующего, в нашем случае – 1954 года. Скорее всего, недостающие полмиллиона тонн позаимствовали из резерва и израсходовали до 1 июля 1954 года и в госрезерве не учли.

Испокон века бытует мнение, что статистика, особенно официальная, наука темная. «Ложь, большая ложь и затем статистика», – мрачно пошутил в 1852 году, отчаявшийся разобраться в сонмище цифр только что назначенный министром финансов Британской империи Бенжамин Дизраэли. С тех пор уже более полутора веков его афоризм к месту и не к месту повторяют все кому не лень. К статистическим данным сложилось предубеждение, а уж к советским – особое. Считается, что все они действительности не соответствуют и верить им нельзя.

Попытаемся разобраться, сравним отчет статистиков с абсолютно секретными данными из Особой папки Президиума ЦК. В ежегодно публиковавшихся статистических сборниках приводятся следующие цифры: в 1940 году валовой сбор зерна – 95,6 миллионов тонн, заготовки 36,4 миллиона тонн, в 1945-м соответственно – 47,3 и 20,0 миллионов тонн, в 1946-м – 39,6 и 17,5 миллионов тонн, 1950-м – 81,2 и 32,3 миллиона тонн, в 1953-м – 82,5 и 31,1 миллионов тонн.

А вот цифры заготовок зерна из строго секретных отчетов руководству страны: 1940 год – 36,4 миллиона тонн, 1945 год – 20,0 миллиона тонн, 1946-й – 17,5 миллиона тонн, 1950-й – 32,3 миллиона тонн и 1953-й – 31,1 миллиона тонн. Они один в один совпадают с публикациями ЦСУ СССР. Следовательно, мы можем доверять последним настолько, насколько можно вообще чему-либо верить.

Взятое в 1953 году из резерва зерно обеспечивало краткую передышку, в течение которой новому руководству предстояло решить, как жить дальше. Для этого отец предложил сбрать специальный Пленум ЦК по сельскому хозяйству. Пленум наметили на май. К своему первому в новом качестве докладу отец готовился с присущей ему обстоятельностью. Предварительных заготовок, написанных помощниками-речеписцами (спичрайтерами), он не признавал.

Существуют разные методы работы политических лидеров над выступлениями: одни берут за основу кем-то написанную заготовку, иные поступают по-другому.

Тут нет ничего ни предосудительного, ни удивительного. Все зависит от характера человека, от его привычек и жизненного стиля, но главное, от того, насколько он сам владеет материалом. Человеку, понимающему суть проблемы и ориентирующемуся в деталях, всегда хочется высказать собственное мнение, предложить собственные решения. Если лидер «плавает», как двоечник на экзамене, он предпочтет воспользоваться услугами спичрайтеров-помощников. Ведь самому-то ему сказать нечего.

В вопросах, серьезно интересовавших отца, в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, обороне он старался разбираться сам и разбираться досконально, не полагаясь на помощников. Для этого он подолгу беседовал, иногда спорил, с учеными, конструкторами, директорами заводов и совхозов, председателями колхозов. В следующий раз происходили новые консультации с новыми людьми. Так отец набирался знаний, учился и в конце концов начинал разбираться в вопросе не хуже профессионалов.

Тем, у кого мои слова вызовут недоверие, а таких найдется немало, ведь об эпохе отца судят главным образом по слухам и анекдотам, посоветую почитать хотя бы его восьмитомник, посвященный проблемам сельского хозяйства (*Н. С. Хрущев. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. В 8 т. М. Госполитиздат, 1960–1964).

Отец умел при необходимости сложные проблемы упростить, сделать их понятными непрофессионалу. Обращаясь же к специалистам, он насыпал текст цифрами и терминами, понятными только читателям, владевшим предметом. Собственно, таковы все профессиональные статьи и выступления.

Недавно я обнаружил: президент США Франклин Рузвельт готовился к выступлениям по методе, очень схожей с методом отца.

«Когда он (Рузвельт. – С. Х.) готовил свои выступления, надиктовывал весь текст их с самого начала, так как считал, что другие не смогут сделать их достаточно доходчивыми. Франклин умел упрощать. Он часто сложные проблемы сводил к простым историям, понятным слушателям любого уровня», – пишет в книге «Я помню» Элеонора Рузвельт.

Эту книгу со своим автографом Элеонора Рузвельт подарила маме в сентябре 1959 года. Тогда они с отцом навестили ее в фамильном родовом поместье Рузвельтов, в Гайдпарке, под Нью-Йорком.

Работа над докладом началась еще до того, как разделались с Берией. Отец затребовал от отделов ЦК, министерств, ученых-аграриев, многих из которых он хорошо знал, справки о состоянии дел. ЦСУ готовило цифры, правда, порой противоречивые. Как вспоминал Андрей Шевченко, помощник отца по сельскому хозяйству, председатель ЦСУ Владимир Николаевич Старовский менял свои цифры порой несколько раз в день.

Освоившись с материалом, отец надиктовывал стенографистке черновой вариант текста. Писать он не любил, и не потому, что находился в неладах с грамматикой, диктовалось легче и, главное – быстрее. Так поступает и большинство зарубежных политиков или руководителей крупных компаний. До появления портативных диктофонов профессия стенографистки считалась одной из самых востребованных. Расшифрованный текст попадал в руки помощников и привлеченных отцом экспертов. В 1953 году над материалами к Пленуму по сельскому хозяйству, кроме самого Шевченко, как ему помнилось, работали «правдисты» Василий Иванович Поляков и Дмитрий Трофимович Шепилов, наиболее доверенный помощник отца по общим вопросам Григорий Трофимович Шуйский (после отставки Хрущева Шуйского почему-то из ЦК не изгнали, он стал консультантом идеологического отдела по вопросам газет, журналов и издательств) и еще один академик ВАСХНИЛ (к сожалению, не знаю его фамилии). По мере необходимости привлекались и эксперты со стороны, но ядро сохранялось до окончательной шлифовки текста. Они правили стиль, начиняли доклад подходящими цитатами классиков марксизма (в отличие от Суслова, в цитатах отец ориентировался плохо), выверяли цифры, если считали необходимым, предлагали включить что-либо

свое. Отец охотно обсуждал, спорил, возражал или соглашался. Удостоверившись в обоснованности или необоснованности предложений, принимал решение, а уж потом твердо стоял на своем (или на насоветованном). Изменить его позицию могло только мнение, исходящее от специалиста, которому он доверял. И то не всегда.

На суд отца, а он теперь становился последней инстанцией, нередко выносились очень разные, порой взаимоисключающие суждения. Отставали их очень и очень маститые учёные, приводившие в свою пользу звучавшие очень и очень обоснованно аргументы. Отцу приходилось решать, чью принять сторону. Могут сказать: не царское это дело встrevать в научный спор, а тем более судить. Я не соглашусь, именно «царское», если только руководитель государства заинтересован в прогрессе собственной страны. В рыночных демократиях технический прогресс развивается по своим законам, мало зависимым от государства. В централизованной структуре, монархии, не говоря уже о централизованной советской экономике, от первого лица зависит и финансирование, и строительство, другими словами зависит судьба и изобретения и изобретателя. Собственно «хозяин земли русской» выступает не столько в политической ипостаси, сколько в качестве главы огромной корпорации, контролирующей все аспекты жизни страны. Так обстояли дела при Петре I, мало что изменилось и после революции. Если раньше последнее слово оставалось за Сталиным, теперь – за отцом.

Если одобрение получала стоящая новация, считалось, и правильно считалось, что все идет своим чередом. Но если, не дай бог, поддержки добивался не обязательно проходимец, а человек ошибочных, но весьма привлекательных взглядов, делу наносился вред, иногда непоправимый. Классический пример тому – обещание Трофима Денисовича Лысенко совершить переворот в сельском хозяйстве с помощью яровизации и других «чудес», увеличить урожайность зерновых в разы, повысить качество и количество надоев молока. Лысенко оказался отличным, как теперь бы сказали, «пиарщиком». В 1930-е годы он добился поддержки у Сталина, а после его смерти склонил на свою сторону Сельскохозяйственный отдел ЦК, Министерство сельского хозяйства и даже помощника отца Шевченко. Все они дудели отцу в уши в одну дуду: «Наш Трофим Денисович все свои обещания выполняет и выполнит, его надо поддержать». Какое-то время отец относился к Лысенко если не настороженно, то не давал ему преимуществ по сравнению с другими аграриями. Но в конце концов он позволил себя убедить, поставил на Лысенко. На свою голову.

Уверовав в правильность собственной или заимствованной идеи, отец начинал «обкатывать» ее на собеседниках, в частности в 1953 году огороживал гостей (я присутствовал только при разговорах на даче) потоком цифр, подтверждавших, насколько колхозы и сами крестьяне задавлены налогами. В сотый раз пересказывал историю своей жившей в Курской области в деревне Дубовице двоюродной сестры, из-за непомерных налогов вырубившей яблоневый сад. Возмущался общепринятой методой исчисления не засыпанного в закрома, а так называемого «биологического» урожая, когда городской инспектор произвольно выбирал на поле квадрат метр на метр, считал в нем колоски, потом – зерна пшеницы в колоске, подсчитывал гипотетический урожай с этого квадратного метра и дальше множил его на миллионы гектаров. Этот способ придумал Сталин, тем самым якобы «стимулируя» уборку, а на деле произвольно завышая урожай. Вслед за «урожаем» поднималась и планка обязательных поставок государству, у хозяйств изымалось все подчистую, порой даже семенное зерно. Все это безобразие называлось первой заповедью колхозника: «Сначала отдай государству его долю, а уж из того, что останется засыпай семена». Остаток же от остатка шел крестьянам на прокорм. В результате даже при приличном урожае люди жили впроголодь, а сеяли не отборными, районированными под местные климатические условия семенами, а чем придется. И урожай соответственно получался какой придется. Работая на Украине, отец много лет бился с Москвой за отмену «первой заповеди». Противостоял ему нынешний друг Маленков, после войны Сталин поставил его надзирать за сельским хозяйством.

Маленков стоял твердо, а за его спиной маячила тень Сталина. Отец, естественно, потерпел поражение. Теперь он намеревался взять реванш. Маленков отца в этом плане полностью и «искренне» поддерживал.

Не менее чем «первая заповедь» отца возмущала мелочная опека центра, диктовавшего крестьянину, что сеять, когда сеять, как сеять. После войны на эту тему он заспорил с самим Сталиным, обязывавшим на Украине, даже в южных районах, вместо более урожайной озимой, сеять яровую пшеницу. Откуда такая напасть взялась? В начале тридцатых годов Stalin в последний раз проехал по стране, побывал в Сибири. Там ему рассказывали, что озимая пшеница вымерзает, а яровая, высевянная весной по сходу обильных снегов, рожет прекрасно. Stalin приказал распространить сибирский опыт по всей стране, яровые повелели сеять и в малоснежной Украине. За выполнением плана сева следили строго. Ослушаться означало получить клеймо «вредителя», со всеми вытекающими последствиями. Результаты не замедлили сказаться: вслед за голодом 1947 года весной 1948 года ударила засуха, яровые, не успев проклонуться, сгорели. Украина вновь оказалась перед лицом катастрофы. Пришлось срочно искать выход из положения. Требовалось буквально дней за десять-двенадцать пересеять более миллиона гектаров. Но чем? Яровая пшеница не годилась, она требует, оставшейся от зимы, обильной влаги. Овес? Но какой с овса урожай? Крохи. По совету своего заместителя по правительству агронома Ивана Федоровича Старченко отец поставил на кукурузу. Засуху она переносит хорошо, урожай дает приличный, правда требует ухода, раза два-три за лето надо почву прорыхлить и сорняки прополоть. Решили рискнуть, высевали кукурузу вручную квадратами, чтобы прополку вести тракторами, а не руками горожан, студентов, школьников, солдат. Выгнали на поля всех, кого только могли, и за неделю засеяли кукурузой почти два миллиона гектаров. Урожай осенью получили по сорок центнеров с гектара. В результате не только избежали голода, но и план госпоставок перевыполнены. Кукуруза спасла Украину. Эти истории я слышал от отца, наверное, миллион раз, выучил наизусть.

Я рассказал только о том, что сохранилось в моей, несельскохозяйственной, памяти. А сколько там оставалось еще «неразрешимых» вопросов, которые следовало разрешить, сказать сейчас трудно, вернее, невозможно. Проблема оказалась много сложнее, чем отец предполагал, приступая к подготовке доклада. Поняв, что к маю он не успевает, отец предложил перенести Пленум на осень. Члены Президиума ЦК не возражали.

Я уже говорил, что в первые послеберииевые недели Маленков буквально не отлипал от отца. Отец делился с ним всеми деталями подготовки доклада к Пленуму. Во время кратковременного совместного отпуска в Крыму он свозил Маленкова в один из колхозов – пусть крестьяне сами расскажут ему о своих бедах. В колхозе высоким гостям показали пустошь, где еще недавно стоял персиковый сад. Весной его вырубили. Задавили налоги. Маленков оказался внимательным слушателем.

Первоначально предполагалось, что стоявшие перед страной проблемы сначала обсудит Пленум ЦК, а затем их вынесут на сессию Верховного Совета СССР. Теперь пленум и сессия поменялись местами, и Георгий Максимилианович то ли попытался перехватить инициативу, то ли просто такая получилась временная раскладка, но он включил основные мысли отца в свой собственный доклад на августовской сессии Верховного Совета СССР «О бюджете страны на 1954 год» – первый публичный доклад послесталинского председателя правительства.

По свидетельству все того же помощника Маленкова Суханова, сельскохозяйственный раздел доклада готовил министр сельского хозяйства и заготовок Алексей Иванович Козлов, старый знакомый Георгия Максимилиановича. Сразу после войны, разочаровавшись в Андрее Андреевиче Андрееве, Stalin, как я уже помянул, поручил Маленкову заниматься делами сельского хозяйства. Маленков села не знал, крестьянское дело не любил и

переложил заботы на плечи заведующего отделом ЦК Козлова. Тот готовил за Маленкова справки, писал за него сельскохозяйственный раздел доклада XIX съезду партии, запомнившись заявлением о «решении зерновой проблемы в стране». Неудивительно, что после смерти Сталина Маленков предложил Берии сделать Козлова министром сельского хозяйства. Неудивительно и то, что Козлов написал ему соответствующую часть доклада Верховному Совету.

Некоторые историки делают заключение, что тот же Козлов писал и отцу доклад для сентябрьского Пленума ЦК КПСС, и потому основные положения двух докладов получились столь похожими.

Я с ними согласиться не могу. Отец никогда не испытывал приязни к Козлову и в группу, работавшую над докладом лиц, его не включил. Наверное, Козлов, наравне с другими, представил свои соображения, не мог же министр сельского хозяйства оставаться в стороне. Но не более того. Перед открытием Пленума, 1 сентября 1953 года, Козлова, по инициативе отца, вообще освободили от занимаемой должности с формулировкой: «За плохую работу».

С другой стороны, неразумно обвинять Маленкова или Козлова в плагиате. Основной стержень аграрной политики Хрущева – облегчение положения крестьян – не его прихоть, эти идеи носились в воздухе. Государственный деятель становится реформатором, если ему удается уловить назревающие тенденции, обобщить их и доступно, в виде своей концепции, предложить обществу.

Сейчас, естественно, уже никто не помнит, о чем говорил Маленков 8 августа 1953 года. Конспективно изложу содержание его доклада.

Свое выступление Маленков начал с подтверждения собственного заявления на XIX съезде партии, что страна хлебом обеспечена. Признаться, что он тогда попросту соврал или в том, что его ввели в заблуждение, Георгий Максимилианович не посмел, изворачивался, объяснял, что зерна, если ориентироваться на биологический, еще не собранный, урожай выращивают достаточно, но в амбарах его недобор. То есть зерна вроде бы и вдоволь, но...

Дальше Маленков перешел к сути. Начал он с повышения заготовительных цен.

Они не только не соответствовали затратам, необходимым для производства продукции, но вообще ничему не соответствовали. Заготовители платили колхозникам три копейки за килограмм картофеля, тогда как одна доставка его на пункты сдачи обходилась дороже. Не легче обстояли дела и с продуктами животноводства. Денег за произведенную продукцию крестьянам платили все меньше, а налогов с них собирали все больше: в 1949 году – 8 миллиардов 845 миллионов рублей, в 1950-м – 8 миллиардов 809 миллионов, в 1951-м – 8 миллиардов 797 миллионов, в 1952-м – уже 9 миллиардов 996 миллионов. Сельское хозяйство не просто разорялось, оно гибло.

В конце 1952 года специальная комиссия ЦК, в нее входил и отец, подготовила меры по «далнейшему развитию» вконец задавленного непомерными поборами животноводства, предусмотрев, в частности, скромное повышение закупочных цен. Но товарищ Сталин с выводами комиссии не согласился, по его мнению, следовало не повышать цены на сельхозсырье, а увеличить налоги на крестьян, причем одномоментно, на 40 миллиардов рублей, то есть в четыре раза. И это при том, что в 1952 году вся «выручка» крестьян за сданную государству продукцию едва дотягивала до 26,3 миллиарда рублей.

Откуда взялась эта цифра 40 миллиардов – не стоит и гадать, оттуда же, откуда закупочная цена 3 копейки за килограмм картошки. К счастью, Сталина удалось уговорить повременить с повышением налогов. Как вспоминал Микоян, Хрущев «вышел из положения, сказав, что если и повышать налоги на крестьян, то в комиссию надо дополнительно включить Маленкова, Берию и министра финансов Арсения Григорьевича Зверева. Сталин согласился.

Комиссия собралась в новом составе. Поручили Звереву подсчитать все, составить обоснование. Тянули, как могли».

Дотянули до смерти Сталина, а после нее ветер задул в ином направлении. Процитирую наиболее выигрышные пассажи из выступления Маленкова: «Правительство и Центральный комитет партии решили уже в текущем году повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозами и колхозниками государству в порядке обязательных поставок. Организовать закупку излишков сельскохозяйственных продуктов у колхозов и колхозников по повышенным ценам».

На сессии Верховного Совета попытались навести порядок с ценами, но масштабов трагедии тогда не понимал никто, даже отец. Для реанимации умиравшего сельского хозяйства требовались не просто фантастические бюджетные вливания, но пересмотр всей структуры цен от поля до прилавка. Если за картошку платить производителю столько, сколько она стоит, то и продавать ее придется по реальной, а значит, более высокой цене, что считалось политически недопустимым. Получался замкнутый круг, разорвать который оказалось очень непросто. Пока же изыскать необходимые средства поручили министру финансов и на том успокоились.

Повышением закупочных цен дело не ограничилось, заслушав доклад Маленкова, сессия постановила впредь взимать сельскохозяйственный налог не с урожая, тем самым наказывая наиболее трудолюбивых и успешных хозяев, а установить погектарное налогообложение. Отец считал его своим изобретением и краеугольным камнем реформирования сельского хозяйства. Неизменный на годы вперед налог позволит крестьянам разумно распорядиться остающейся у них частью дохода, вкладывать средства в модернизацию, в строительство ферм и другие долгосрочные начинания, обеспечит хозяйствам стабильное развитие.

«Так мы восстановим справедливость, поощрим лучших, простилируем отстающих», – говорил отец на прогулках Маленкову.

На самом деле это не они придумали столь «прогрессивное» налогообложение. Еще римский император Диоклетиан, упорядочивая податную систему, принял на основу меру площади югер (*jugerum*), которая при любых различиях качества труда, его производительности, доходности хозяйства и объема урожая, оставалась нормой в обложении земледельцев податью. Называлась она *«jugatio»*. Подобной же системы придерживался и византийский император Юстиниан.

«...Правительство и Центральный Комитет партии сочли необходимым снизить обязательные поставки с личного подсобного хозяйства колхозников, решили, как об этом уже доложил министр финансов т. Зверев, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и списать полностью недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет». Эта фраза превратила Маленкова в народного героя и заступника.

С огородов кормились и крестьяне, и жители маленьких городков, поэтому послабление коснулось всех. В верхах к индивидуальным хозяйствам в те годы относились как к анахронизму, казалось, что они доживают свой век. Отец тогда занимал радикальную позицию, предлагал вообще освободить личные подворья от поставок натурой, перенести центр тяжести заготовок на колхозы и совхозы. Воспротивились снабженцы: страна останется без овощей и многих других продуктов, поставлявшихся, в значительной степени, «единоличниками». Отец уступил временно, до поры, пока колхозы не окрепнут. В будущем он настоит на своем, горожане-огородники перестанут платить сельхозналог, им позволят оставлять себе весь собранный урожай. Затем, в поисках баланса личного хозяйства с общественным, начнут закручивать гайки, с тем чтобы через некоторое время снова их отпустить. И так без конца. Это естественно. Во все времена экономическая политика государства менялась с изменением внешних условий.

Еще одна сенсация ожидала слушателей в разделе доклада, посвященном промышленности. «Индустриализация успешно завершается, и мы можем теперь больше уделить внимания производству предметов потребления», – продекларировал Маленков. Впервые за всю нашу историю он призывал не затягивать пояса, а подрасслабить. На самом деле, приоритеты здесь призрачны, товары народного потребления не произведешь без машин, а машины – мертвы без людей. Это правильно в принципе, но все предшествующие годы страна отдавала приоритет стали, станкам, тракторам с танками. Машинам – все, а людям – что остается. Предложение Маленкова начать заботиться о людях наравне с машинами – еще одно очко в его пользу.

Справедливо ради отмечу, что отец, целиком погруженный в сельскохозяйственные проблемы, об изменениях промышленной политики в 1953 году пока не задумывался и на приоритет тяжелой промышленности пока не покушался. Инициатива тут целиком принадлежала семье Маленковых, но не Георгию Максимилиановичу, а Валерии Алексеевне. Именно она завела разговор на эту тему во время одной из прогулок. Отец тогда промолчал. Больше эта тема в моем присутствии не поднималась.

Как отец отнесся к выступлению Маленкова? Несомненно, внутренне он ревновал. Поневоле я его понимаю. Обидно, ты думал день и ночь, наконец в голове родился план, ты с облегчением вздыхаешь, и тут кто-то, пусть твой соратник, публично произносит в августе то, что ты собирался сказать в сентябре. В науке и искусстве такое называют «интеллектуальным пиратством», в политике же никак не называют. Внешне их отношения никак не изменились, они даже стали еще более неразлучны, отец во время прогулок продолжал делиться со своим другом мыслями, возникавшими во время подготовки доклада к предстоящему в сентябре Пленуму ЦК по сельскому хозяйству. Маленков согласно кивал головой. Мы, обе семьи, гурьбой держались чуть позади, то прислушиваясь к беседе отцов, то переходили к обсуждению своих, актуальных для нас, проблем.

Покончив с делами внутренними, Маленков перешел к международному разделу. И тут не обошлось без сенсации. Он намекнул, что США потеряли монополию не только на атомное, но и на термоядерное оружие. Имелось в виду предстоящее менее чем через неделю, 13 августа, испытание советской водородной бомбы. Прошло оно исключительно успешно. Благодаря революционным предложениям Андрея Дмитриевича Сахарова, тогда совсем молодого и никому не известного ученого, нам удалось опередить американцев.

Физик, журналист, писатель Станислав Пестов в своей книге «Бомба: три ада XX века» утверждает, что свои идеи Сахаров позаимствовал из американских открытых публикаций, дополненных сведениями, полученными разведкой. Я не знаю, как все происходило на самом деле, но тогда отец не сомневался в авторстве и прозорливости Сахарова.

20 августа об испытании объявили в газетах, а 24 октября Сахарова вместе с его коллегами: Ю. Б. Харитоном, А. П. Александровым, Л. А. Арцимовичем, И. К. Кикоиным, И. Е. Таммом и другими «выбрали» в академики на вакансии, выделенные ЦК и правительством исключительно под них. Причем Сахарова, вопреки традициям, «через ступень», минуя стадию члена-корреспондента.

День за днем

18 апреля 1953 года Постановлением Совета Министров СССР (совершенно секретным, особая папка) утверждалось тактико-техническое задание «по опытному объекту № 627», так именовалась будущая советская атомная подводная лодка.

Летом оживились переговоры о государственном договоре с Австрией, предусматривавшем нейтралитет этой недавней союзницы Гитлера в обмен на вывод иностранных, в том числе советских войск.

12 августа 1953 года Президиум ЦК КПСС упразднил «Особое Совещание при МВД СССР». Его учредил Сталин 5 декабря 1934 года «с целью ускоренного рассмотрения дел контрреволюционеров, террористов» и прочих врагов народа.

1 сентября в здание МГУ на Ленинских горах вошли первые студенты.

В тот же день в стране начал действовать новый регламент работы государственных учреждений: начинать в девять утра без опозданий, уходить домой ровно в шесть вечера. Отец особо настаивал на неукоснительном соблюдении последнего. Ему осточертели сталинскиеочные бдения, когда до глубокой ночи все, по нисходящей цепочке, сидели в кабинетах, ожидая, не позвонит ли «сам», не понадобится ли ему что-либо? Спать домой шли только под утро, а утром вразнобой, начальники поглавнее – попозже, мелюзга – пораньше возвращались на рабочие места. Одни приходили к десяти, другие – к двум, среди дня, в обед ухитрялись покемарить пару часов. Теперь за распорядок отвечал старший начальник. Ровно в шесть министр или иной руководитель обязан был обойти помещения, проверить, пусты ли они, и лично запереть входную дверь.

Сам отец неукоснительно соблюдал им же установленные правила, появлялся в рабочем кабинете без чего-то девять, днем заезжал домой на часок пообедать, а вечером, не позже семи возвращался домой, правда, с толстенной папкой непрочитанной почты, «домашним заданием», как он говорил. После ужина он примащивался тут же, за обеденным столом читал, что-то подчеркивал, сгибал странички надвое. Завершалось чтение поздно вечером в спальне. Кабинетом с неизменным письменным столом он почему-то не пользовался.

Небольшое, казалось бы, дело: соблюдение распорядка дня, а какой резонанс оно вызвало. В Москве шутили, что отцы, в кои-то веки появившиеся в приличное время домой, не узнавали своих детей, за эти годы они выросли, повзрослели. Преувеличение, конечно, но не такое уж и большое.